

НЕДАВНО МЫ с Лорой Квинт подружились — прослезилась. Уже почти четырнадцать лет назад Алла Пугачева спела ее песню «Московский романс». А еще раньше Лора закончила композиторское отделение Ленинградской консерватории. Именно ей посвящен партию оперы «Орфей и Эвридика» Александр Журбин, но и сама Лора, войдя в мир музыки, вскоре заставила заговорить о себе — написала оперу «Куликово поле», несколько эстрадных песен для Валерия Леонтьева, музыку к спектаклям ленинградских театров. Десять лет назад я написал для «Смены» статью про молодого талантливого композитора. Статья не вышла — «опасения» вызвала фамилия автора! Был момент, когда, устав от всего подобного, она стала Ларисой Добровой, но потом вновь вернулась к своему — Лора Квинт. В Питере у нее была отличная квартира — окнами на Неву, в ее доме всегда было полно друзей, в этом городе она, казалось, была счастлива, но вот квартира обменяна, от прежней компании остались одни воспоминания, а Лора теперь наезжает в наши края как «известный московский композитор».

— Лора, твоему самолюбию польстит, если тебя назовут сегодня женщиной-композитором № 1 на отечественной эстраде?

— Шоу-бизнес не разбирает, с кем имеет дело — с женщиной или с мужчиной. Меня лавры эти не вдохновляют. Слишком все это условно. Такое впечатление, что певец, когда берет новую песню, думает: «Сейчас спую песню первого среди мужчин композитора, а в другой раз — первого среди женщин».

— Но все равно: пустыня, а приятно...

— Знаешь, я нисколько не тщеславна. Даже не знаю — почему... Когда я много лет назад стала в питерских хит-парадах появляться, поминать, писали тебе в газету читатели, боже мой, я сходила с ума. А сейчас... Радости той нет. И вообще к хит-парадам отношусь спокойно. Года два назад в годовом хит-параде «Вечерней Москвы» я — на первом месте! На втором был тогда, светлой памяти, Игорь Талков, дальше — тоже известные фамилии, а на девятом... Эндрю Ллойд-Вебер! И я почувствовала какой-то идиотизм. В моих мозгах это не укладывается: если слон на кита влезет — кто кого переберет? Давай устроим хит-парад, кто круче: Моцарт или Бетховен, Чайковский или Глинка?

— Лора, поминать, года четыре назад, когда ты уехала из Питера в Москву, я написал ностальгическую заметку «Звезда здесь больше не живет», упомянув твою имя и других ленинградских музыкантов, подавшихся в Москву. Как все-таки это было? С каким настроением ты уезжала?

— Для меня это не было активной акцией, как человек, собрав вещи, объявляет на Московском вокзале: сюда я больше не ездить! Все получилось естественно, потому что где-то с 85-го года вся интересная работа у меня была в Москве. Я в Ленинграде, ни на

«Ленфильме», ни на других студиях не сделала ни одного кино — мне его никто не предложил. А в 85-м меня попросили написать музыку к новогодней кинокомедии «Нужные люди» в объединении «Экран». Да, фильм получился не самым удачным, но людям понравился, и, между прочим, из него вышла песня «А у меня все схвачено, за все заплачено», которую поет Коля Караченцов, а которую многие считают городским фольклором. В 85-м «Экран» не интересовался, член ли я Союза композиторов, что обо мне скажут Пахмутова или Фельцман. Им понравилась моя музыка, они заказали. Это к вопросу о том, как в Москве трудно, как там все куплено и так далее. Я почему-то там не сталкивалась с такими вещами, с которыми сталкиваюсь на питерском ТВ даже сейчас, когда мы «друг» (так я прежде думала), единственный режиссер, кому я разрешила снять оперу «Джордано», под любыми предлогами скрывает от меня фрагменты снятого. На Ленинградском телевидении вдруг возникла тенденция: мол, на Центральном ТВ платят бешеные деньги, давайте мы тоже будем «брать»... Но странно, когда вынимаются суммы с нулями за то, что ты дал снять... свою музыку. Все вывернуто!

В Москве я с этим не столкнулась ни разу, хотя работала почти со всеми ре-

Семена — Санкт-Петербург, 1992 — 19 февр.

ЛОРА КВИНТ, АВТОР РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

вку или в это же самое время зарабатывать бешеные деньги на стадионах. У «Джордано» было два сериала: летний и зимний. И если на первом одна из исполнительниц говорила мне: «Лора, боже мой, как я тебе благодарна!», то через полгода опера ей уже мешала.

А знаешь, если Валера Леонтьев здесь, если Лора Долина здесь, то мы лишились гениального исполнителя Владимира Панкратова. Он эмигрировал в Израиль, будущий абсолютный русский человек. Он пел в Кировском театре. И Гергиев не пускает его петь «Джордано». В театре уже подкачали: Панкратов получил сто пять рублей дополнительно, что коллективу было не пережить, и ему сказали, что он должен петь латышским составом «Сорочинскую ярмарку» в концертном исполнении. На это остроумный человек Панкратов возразил, что Мусоргский для него эту партию специально не писал, а Лора Квинт партию Настоятеля монастыря для него написала специально, после чего ухитрился взять бюллетень.

— Поминать, у «Джордано» были и крутые западные проекты. Ты сама тогда рассказывала мне, что появился некий Майкл из Штатов и напропорочил вам успех на Бродвее, брался в этом пообщаться.

— А оказался прохиндеем, украл нашу кассету! Потом выяснилось, что он сам в этот момент делал спектакль с Максимом Дунаевским, который провалился. У них смета вылетела на круглую сумму долларов, мне очень жалко прекрасного композитора Макса Дунаевского. Знаешь, совсем недавно я вдруг узнала, что Владимир Тимошенко, который тогда работал в Госконцерте, ходил в дирекцию концертного зала «Россия» и предлагал «купить на корню» оперу и декорацию, чтобы увезти на Запад. Сделали бы и стране валюту, и мы бы нормально жили, композиторы купили пару платьев. У композиторов-мужчин нет таких проблем, какие есть у меня!

А насчет западных перспектив... Постановочная группа, как ты поминать, была из Ленинграда. И вот теперь хореограф-постановщик Давид Авдыш — хореограф пяти варьете в Лас-Вегасе. Режиссер-постановщик Влад Дружинин — ныне художественный руководитель «Ребекка Кейли Данс», прекрасной балетной труппы. Знаешь, многие наши артисты врут: вот, мол, работаем на Бродвее. Я была там и могу тебе сказать, что Бродвей — это такая длинная улица, которая идет через весь Нью-Йорк, но только один ее километр престижный. Художник-постановщик Семен Пастух стал художником «Русских сезонов» в Париже, по контракту работает в Японии, в Америке. Труппа-то какая была, какие работы делала спектакль! А знаешь, сколько получил Влад Дружинин за постановку «Джордано»? 570 рублей — я запомнила эту цифру. Что же как савий нас держат!

А как композитор сегодня прожить? С авторскими гонорами по-прежнему чехарда происходит. Многие композиторы по такому случаю запели — так проще зарабатывать!

— У меня муж, Андрей Билль, поет. — Он исполнитель, конечно, нестандартный, на стадионы не работает... — Есть певцы для стадионов, а есть певцы для залов. И у нас рождается другая публика, Андрей — певец для дорогой публики, у него другой репертуар. Ты понимаешь, ни один наш исполнитель на самом деле дальше Брайтона, дальше эмигрантских кафе не продвигается. Таких предложений у Андрея было много. Но нам не нужны эти деньги, не нужны эти площадки. Он готовит себя для другого, для другой

публики. И к тому же Андрей — не фолк-поп, поет арию, у него не то, что в «О, Сан-Ремо», «Очкарик» и «Ревность». «Мы такие разные» знают просто все. Сейчас нет в стране ребенка, который бы не знал Билля, поскольку он ведущий передачи «В гостях у Золушки». Дети идут на концерт, держат ему свои любимые игрушки, ложечку какую-нибудь чайную: «Наш Андрей пришел!» Столько восторгов, радости — ну что может быть лучше! Это великое счастье, он умеет делать то, чего не умеют другие. Он не косноязычен, говорит на грамотном русском языке, не мекет-фекет. Знаешь, как сейчас рокеры в саморекламных программах вешают: «Ежели вы хотите слушать клевую музыку, заходите на наш концерт!» И глупость: почему надо быть телевизионной звездой и петь песни, одна на другую похожие, с малорамными виражами? Может быть, это наивно, но я считаю, что искусство должно быть создательным. Ну, верю я в хороше! Не верю, что публика — дура.

Мне кажется, лучше постепенно завоевывать свою публику, чем взлететь и сорвется. Вот Женя Белоусов, хороший мальчик, бац — взлетел, но он сейчас уже становится Евгением Белоусовым, а чем это подкрепит? Я не желаю бы такой участи Андрею. Скажи мне и та-

ко молодых исполнителей.

А я вот с Надей, с Андрюшей, с «Форумом»...

Кстати, по поводу «Форума» и песни «Ревность». Масса писем, написанных слезно под копирку, отправлено во все редакции: мол, запретить Биллю петь «Ревность», он ее, мол, плохо поет (хоть это не так!). Между тем, песню «Ревность» группа «Форум» мне заказала. Я написала песню вместе с поэтессой Олей Клименковой. Все сделали по моему любимому принципу «индивидуального пошиба»: учитывая демоническую внешность Сережи Рогожина, у него должны быть какие-то темные страсти... Что ты думаешь?! Приходит ансамбль «Форум», и, Миша, со мной в жизни такого не было, чтобы от моей песни откатился коллектив. Точней, песня понравилась директору «Форума» Володе Кауфману, не понравилась Володе Сайко, а Рогожин смотрел красивыми печальными глазами и молчал, чтобы не вступать. Я просто так растерялась: я никогда не стояла в предбанниках, в прихожих, свято верила, что звезды придут за песнями, и они, на твоих глазах, приходили. А тут — кошмар. Пенсенту они все-таки на кассетку записали — так, нехоти. Андрея же моего в этот момент не было: он ушел в плавание за Полярный круг, на яхте. Приехал, мне ему стыдно рассказать про историю с песней «Ревность». Потом Оля Клименкова убила: ну, давай, сыграй, покажи! Ладно, сыграла. Он сразу же сказал: «Это — хит!» Тут я набралась мужества и сказала своему супругу: вот так и так, отказались они от песни. И он тогда записал свой вариант.

Я вообще считаю, что это прекрасно, когда песня одного композитора дает разный творческий толчок, разные исполнители поют ее по-разному. Это никогда не считалось позорным: петь одну и ту же песню. Хампердинк и Том Джонс пели один репертуар, но по-разному. Андрей Билль поет «Ревность», конечно, в том варианте, в котором я сочинила, — это классик-рок. Он ее записал, мы выпускаем в эфир, и тут звонит Волода Кауфман: мол, Лорочка, мы поехали на дачу куда-то, включили кассетку с твоей песней и вдруг очумели: класс, мы ее записали. Вот такая история про песню «Ревность».

— «Ревность» стала хитом. Но у меня такое ощущение, что все-таки у тебя малоэта жита...

— Все поют: «Эх, мама, маменька». Найдите мне человека, который не станет хлопотать в такт!

— Ты считаешь, что это всенародный хит?

— На радио приходит письма, что это — неродная песня. У меня три песни, которые люди считают народными. Две «русские народные»: «Ну, что же, Сережа...», «Мама-маменька» и одна «индийская»: «Долбыв до Индии». Не радио, редактор Людмила Дубовицкая, пришла письмо из Театра Маяковского: «Уважаемая Людмила Ивановна! Не могли бы вы для оформления спектакля переписать русскую народную песню «Сережа» в исполнении Валентины Толкуновой? Ну что может быть приятней? Песню «Здравствуй, мир!» тоже все знают.

Но это так же, как разница между казачками, есаульскими песнями Розенбаума и песнями Газманова и еще многих, кто эту тему подхватил. Саша первый начал это, от сердца, он такой действительно еврейский казак. Пройдет время, и поп-экскадронных песен не будет, а песни Розенбаума останутся. Пройдет время, и «Эх, мама, маменька» в исполнении Надежды Бабиной станет как «Валенки, валенки», а где будут все нынешние модные песни? Я предпочитаю дело иметь с настоящими артистами.

— В последнее время, я заметил, ты любишь в жюри разных конкурсов входить... Нет ли в этом перебор?

— У меня перебор не тот. Если организатор конкурсов интересно мое мнение — мне это приятно. Но, в отличие от многих членов жюри, я знаю ноты и имею диплом композитора и пианистки. Возьмем хотя бы ялтинское жюри. Намеканному глазу было видно, что там выдвинули два человека, два Игоря, — Крутой и Корнелюк. Оба они пишут настоящие шлягеры, оба со специальными композиторскими дипломами, плюс оба что-то значат в шоу-бизнесе. Вот прекрасная девочка Коротеева вышла и спела сложнейшую арию из «Кэтс». Один из членов жюри, который сидел ближе к краю, послушав и полая, что эта певица — не его клиент, что она не будет петь два триггера, три прихлопа, поставил ей 7 баллов. Издур он видит, что Крутой с Корнелюком ставят 11 и 10. В этот момент случайно — я потом уточнила у режиссера — камера выхватила лицо этого композитора, который был в полном недоумении. Он, кроме своих песен, которые приносит ему прибыль в кабаках, не знает ни про Эндрю Ллойда-Вебера, ни про

арию Мемори, а может быть, и про Барбару Стрейзанд.

— Лора, чем занимаешься твои родители, твой брат, твой сын?

— Мой сын Филипп учится в специальной музыкальной школе-десятилетке при Московской консерватории. Он скрипач, сейчас его пригласили на три года поучиться в одном из американских колледжей. Родители у меня пенсионеры.

— И живут они в Нью-Йорке... Так же как и твой младший брат — виолончелист Михаил Квинт...

— Да вот, а я здесь... С братом вообще удивительная история. Когда-то я его ребенком показала Борису Пергаментшикову и Натасе Гутман, замечательным виолончелистам. Они сказали: парень совершенно потрясающий, это может быть второй Ростропович. Натася дала ему бесплатные уроки и говорила, что это радость — заниматься с таким мальчиком. Мальчик вырос, поступил в Ленинградскую консерваторию, и ты думаешь, что зная какие-то места на конкурсах... Ничего подобного! Все места были поделены в Москве. Это я знаю как пианистка. Наш выпуск десятилетки при консерватории — шесть человек закончили со специальными рекомендациями. Двое уехали в Москву, стали лауреатами международных конкурсов, а оставшихся вообще не видно, не слышно. Может быть, в музыкальных школах где-то сидят...

Мой брат был без связей, без всего, да еще из Питера. Знаешь, где он работал? В детском отделе Ленконцерта. Даже не в филармоническом. Ставка у него была, правда, но тем временам высокая — восемнадцать рублей, но как на нее прожить, если у тебя четыре концерта в месяц? Вот он ездил с виолончелью зимой за город в ПТУ играть Рахманинова.

Судьба вынудила его эмигрировать. Одно, он не был женат. И как его выпустили? Без виолончели, без нот, без записей собственных. С двумя парами белья. Впрочем, ничего у него и не было — он просто бедствовал. Борис Пергаментшиков тут же приехал в Вену, предложил Мише остаться в Европе, но он отказался. Борис сделал прекрасную вещь: у своего коллеги для Миши одолжил виолончель. Вот, говорят, иностранцы, мол, жадные, мерзавцы такие... Так вот, этот коллега одолжил моему брату инструмент за пять тысяч долларов: «Не волнуясь, когда сможешь — отдашь!» Уже в Италии Миша дал концерт. Да, было трудно, играл, мыл посуду, но он сделал невозможное своим талантом и обаянием — через два с половиной года, 22 марта 1991 года, состоялся сольный концерт Михаила Квинта в «Фишер-холле», в зале на три тысячи мест в центре Нью-Йорка с Нью-Йоркским симфоническим оркестром. И был аншлаг. Меня удивляет страна, в которой три тысячи человек пришли послушать виолончельный концерт!

Там обожают ходить на классическую музыку, а вся эта страда не ценится. Если ты доктор, адекват или сделал какую-то карьеру, ты не сможешь считаться состоявшимся человеком, если не играешь на каком-нибудь инструменте. У моего брата есть, к примеру, тридцатилетние ученики: чтобы сделать карьеру выше, адвокат должен на уик-энде играть с кем-то в трио, в дуэте. Это престижней, чем крутая машина! Если ты выбился в люди, ты должен заставить себя понимать классическую музыку. Но там другое воспитание — всеобщая доброжелательность. Если я даже не люблю эту музыку, все равно должна разбираться, понять.

— Тем более... Тем более твои родные не считают, что ты в семье белая ворона? Непонятно, где живешь и чем занимаешься?

— Я считаю, проблема эмиграции, наверно, только у нас так серьезна. Ну захотел француз пожить в Англии — пошел! Что тут удивительного? Дело в другом. Мне не понравилась Америка. Мне ближе Европа.

Кстати, мой брат общается только с американцами. И те немногие музыканты, с которыми он общается, тоже считают, что самое гадкое, что там есть, — это наши эмигранты. Общность «советский народ», увы, сложилась, и не случайно украинцев, евреев, белорусов, узбеков, которые приезжают туда из Союза, называют «русскими». Они разводят сплетни, они так же и там не хотят, чтобы соседи жили лучше. Мало того, знаешь, как они разговаривают: «Вонючий пуэрториканец, поганый негр...»? Американцы же уверены, что стыдно быть националистом.

А вообще-то не хочу менять гражданство. Пока меня никто не обижает, а за кусок колбасы ехать куда-то? Ты знаешь, я не такой человек. И все-таки, я автор русских народных песен... Я считаю, что русским композитором надо родиться. Можно быть при этом кем угодно по национальности. Но, если одна моя прабабушка была итальянкой, что же, я должна собирать вещи и уезжать в Италию или в Неаполь во время кризиса, с криком: «Историческая Родина!» начать целовать камни? Существует природа твоего духа, это совсем другое, чем природа тела. Мой папа, инвалид, без обиды ног, с детства на протезах, водил меня гулять по двести часов по городу, мы с ним любовались архитектурой, я в шесть лет уже читала Блока, читала монолог Чацкого. Так чему же удивляться, как же я могу без этого!